

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина*
(Москва)

**ПСКОВСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ В СКАЗКЕ
«КОНЁК ГОРБУНОК» КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО
АВТОРСТВА А. С. ПУШКИНА**

Abstract. The paper is devoted to the issue of authorship of the fairytale «The humpback horse» (Konyok Gorbunok). Over a hundred various linguistic features were analyzed typical of the Pskov and neighbouring dialects which were present in the first publication of the fairytale. On this basis it is argued that P. Ershov could not have been its author because the respective features are not attested in his native Tobolsk dialect. It is further argued that the real author of the tale is A. Pushkin. He was well familiar with the Pskov dialects and used Pskovian dialectisms in much of his poetry and fiction. This is considered to be an uncontested evidence that the authorship of the first publication of Konyok Gorbunok should be assigned to A. Pushkin.

Ключевые слова: автор, говор, диалект, псковский говор, тобольский говор, диалектная зона, диалектизмы

В 5-й книге 3-го тома за 1834 г. петербургского журнала «Библиотека для чтения» была напечатана первая часть сказки «Конёк-горбунок», а осенью того же года эта сказка в трёх частях вышла отдельным изданием. Автором её значился П. Ершов. В 1840 и 1843 гг. вышли стереотипные 2-е и 3-е издания, а в 1856 г. 4-е издание, существенно переработанное П. П. Ершовым, внесшим около трехсот исправлений, замен и добавлений в первоначальный текст, увеличивших его на треть. В 1861 г. вышло 5-е издание с небольшими новыми изменениями текста (Ершов 1834; 1856; 1861).

С тех пор сказка переиздавалась сотни раз, была переведена на многие языки, вызвала большое число различных подражаний, иллюстрировалась разными художниками, была инсценирована, по ней были поставлены балеты, созданы фильмы, музыкально-литературные композиции, аудиокниги. Сказке посвящено большое число исследований: статей, диссертаций, методических разработок для школы, для детских садов. Проводятся конференции, посвящённые Ершову, издаются Ершовские сборники статей. Вручается Всероссийская литературная премия им. П. П. Ершова за лучшие произведения для детей и юношества. Выпущен научно-популярный фильм о Ершове.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН Москва, Россия
rolekas@yandex.ru

Существует видеоигра «Конёк-горбунок» для игровых автоматов и компьютеров, имеются связанные со сказкой разнообразные викторины. В Ишиме, родном городе Ершова, есть посвящённый ему музей — «Культурный центр П. П. Ершова». На кладбище в Тобольске на могиле Ершова стоит памятник с высеченной на нём надписью: «Петр Павлович Ершов, автор народной сказки “Конек-горбунок”».

В конце XX в. литературоведы А. А. Лацис в ряде статей, собранных позднее в отдельную книгу, а за ним В. Г. Перельмутер и В. А. Козаровецкий привели ряд доказательств того, что автором сказки «Конёк-горбунок» (далее КГ) был не П. П. Ершов, как принято считать, а А. С. Пушкин (Лацис 2003; Перельмутер 1998; Козаровецкий 2009). Однако пушкинисты не поддержали их предположения, а исследователи творчества Ершова выступили резко против.

В тексте КГ очень много диалектизмов. Мы решили рассмотреть замены, произведённые П. П. Ершовым в 4-м издании КГ, и выяснить, как они связаны с территориальной прикреплённостью диалектизмов.

П. П. Ершов родился в 1815 г. в деревне Безруково (с 1960 г. Ершово), в 16 километрах от г. Ишима Тобольской губернии, детство провёл в разных городках этой губернии, учился в тобольской гимназии и большую часть жизни прожил в Тобольске. В 1831 г. поступил в Петербургский университет, а в 1836 г. вернулся в Тобольск. Тобольский диалект был родным для него. Этот диалект сложился в результате переселения сюда крестьян из Вологодской, Вятской и Пермской губерний (Утков 1951: 7—37; Лупанова 1976: 7—8; Романова 1963: 70; 1965: 27; 1975: 47—49). Говоры этих мест относятся к Северному наречию и Северо-Восточной диалектной зоне (Захарова, Орлова 1970: 91—94, 111—114), некоторые особенности которой отражаются в произведениях, написанных Ершовым и опубликованных после КГ.

А. С. Пушкин был хорошо знаком с особенностями псковского диалекта по говору села Михайловского и отражал многие его черты в своих произведениях. В Михайловском, родовом имении бабушки поэта, а потом матери в Псковском уезде Псковской губернии к юго-востоку от Пскова, Пушкин бывал много раз, жил подолгу. Этот диалект относится к западным среднерусским говорам Западной диалектной зоны, некоторые его черты характерны для Юго-Западной или Северо-Западной диалектных зон, отражены в Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) и описаны в разных диалектологических работах (Захарова, Орлова 1970: 83—85, 87—91, 96—102, 149—143). Няня Пушкина Арина Родионовна, чей говор также прекрасно знал поэт, родилась и до замужества жила в селе Копорского уезда Петербургской губернии, диалект которого относился к той же Северо-Западной зоне.

Знакомы были Пушкину и среднерусские говоры села Болдина и соседних сёл Арзамасского уезда Нижегородской губернии, где Пушкин жил в 1830, 1833 и 1834 годах. Особенности этих говоров также отражены на картах ДАРЯ.

Таким образом, Пушкин и Ершов при использовании диалектизмов в своих произведениях опирались на разные диалекты, что и даёт возможность установить авторство 1-го издания КГ. Приводим некоторые примеры.

1. В псковских говорах (в частности, в говоре с Михайловского) и в тюменских говорах (в том числе и тобольском говоре) некоторые существительные жен. рода на *-а* I-го склонения (*вода, доска, земля, изба, нога, река, рука, спина, цена, борона, голова, полоса, сторона* и др.) характеризуются разными акцентными парадигмами в ед. числе: в псковских говорах у этих слов акцентная парадигма *b* — постоянное ударение на окончании, в тюменских говорах акцентная парадигма *c* — ударение на основе в вин. падеже и на окончании в остальных падежах (Обнорский 1927: 269—276; Сологуб 1980; Романова 1981: 14; Зализняк 1989: 374; Русская диалектология 2012: 139—140, 160).

В первом издании КГ у слов этой группы акцентная парадигма *b*. Так мог написать Пушкин, знакомый с псковским диалектом, но не мог написать Ершов, для которого такое ударение в этих словах было чуждо, и поэтому он все эти примеры в 4-м издании переделал, убрав или изменив существительные с ударным окончанием в вин. падеже ед. числа.

1-е издание	4-е издание
1) <i>Ирешили всенародно: С ночи той пооче- рёдно Полосу́ свою беречь, Злого вора подстеречь</i> (возможно и <i>пóлосу</i>) (с. 6);	1) <i>Наконец себе смекнули, Чтоб стоять на карауле, Хлеб ночами побережь, Злого вора подстеречь</i> (с. 6);
2) <i>С сеника дозорный сходит И, обшед избу́ кругом, У дверей стучит кольцом</i> (с. 7);	2) <i>С сеника дозорный сходит И, облив себя водой, Стал стучаться под избой</i> (с. 7);
3) <i>Дай-ка я подкараулю И под нос такую дулю Поднесу я дураку, Что хоть тут же и в реку́</i> (с. 44);	3) <i>Дай-ка я подкараулю, А нешто, так я и пулю, Не смигнув, умею слить; — Лишь бы дурня уходить</i> (с. 44—45);
4) <i>А Иван собирать пустился От разбитых кораблей Под спи́ну́ свою гвоздей</i> (с. 73);	4) <i>А Иван собирать пустился Острых камней и гвоздей От разбитых кораблей</i> (с. 80);
5) <i>Тут в шатер дурак вбегает, За ко́су́ ее хватает</i> (возможно и <i>за́ ко́су</i>) (с. 74).	5) <i>Тут в шатер Иван вбегает, Кóсу́ длинную хватает</i> (с. 81).

Во втором примере из 1-го издания приведена форма *обшед*, которая, наряду с другими подобными формами приставочных глаголов от глагола *идти* —

пришед, *ушед* и др., отмечается в небольшой части северо-западных говоров в Псковской, Новгородской и Ленинградской обл. (ДАРЯ, вып. II, карта 112; Русская диалектология 2012: 189). Эту форму не мог знать Ершов, но хорошо знал и употреблял Пушкин: *Неглупый человек, который, (...) **пришед** домой, всё записывает; **Вышед** из Лицея, я почти тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери; Государь император, **обошед** соборы, возвратился во дворец; Магометанин Бикбай, **взошед** на лестницу, перекрестился* (Пушкин 1957—1958, далее пушкинские примеры приводятся из этого издания, т. 8: 16, 19, 59, 172) и др. С. П. Обнорский приводит 18 примеров употребления подобной формы у Пушкина (Обнорский 1953: 218—219), однако их у Пушкина значительно больше.

2. В литературном языке первой половины XIX в. при числительных *два*, *три*, *четыре* наряду с обычной формой *дня* нередко встречалась форма *дни*. Многократно, хотя и реже, чем форму *дня*, употреблял её и Пушкин: *Два **дни** колдун героя носит* (т. 4, с. 73); *Дни три тому туда ходил я вместе С одним знакомым* (т. 4, с. 327); *(...) с Парашей будет он **Дни** на два, на три разлучен* (т. 4, с. 385); *Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три **дни** трех полукшек не вымолишь* (т. 5, с. 249); *Он пощупал пульс больного, поговорил с ним по-немецки, и по-русски объявил, (...) что **дни** через два ему можно будет отправиться в дорогу* (т. 6, с. 136) и ещё 10 примеров такого употребления (СЯП, т. 1). Но ещё чаще форма род. падежа ед. числа *дни* отмечается в говорах, и севернорусских, и южнорусских (Обнорский 1927: 82—85). Эта форма отмечена и в псковских говорах: *третьего дни, канец мясава дни, сявóдни*; много подобных примеров зафиксировано и в псковских памятниках (ПОС, вып. 9). В 1-м издании КГ дважды употреблена форма *севодни* (с. 62, 64,). В 4-м издании Ершов оставляет её (с. 67, 68).

В 1-м издании КГ в речи царицы употреблена форма *три дня*: *Если любишь ты меня, То доставь чрез **три** мне **дня** Перстень мой из Окияна* (с. 76); *И зачем вот **три** уж **дня** Братец скрылся от меня* (с. 77). Эта же форма употреблена и в пересказе Иваном речи царицы: *И зачем-де **три** уж **дня** Солнце скрылось от меня?* (с. 91). Это сочетание сохранено в этих отрывках в 4-м издании (с. 83, 84, 96). Но в речи Ивана, деревенского жителя «из огорода», как он сам о себе говорит (с. 35), рассказывающего коньку о приказе царя, в 1-м издании приведена другая форма: *Дал мне сроку **три дни** только* (с. 78). Ершов не заметил этого тонкого различия в авторской характеристике речи разных героев сказки и в 4-м издании исправил: *Дал мне сроку **три дня** только* (с. 85).

Этот приём противопоставления речи персонажей сказки использован в 1-м издании и в другом случае: *(Царь:) «Ну да что за **нужда** в том? Лишь бы только нам жениться». Говорит ему Царица: «А такая в том **нужда**, Что не выйду никогда За дурного, за седого, За беззубого такого»* (с. 112). На

этот раз Ершов сохранил это различие, несколько изменив диалектную форму: *Ну да что нам нѹжды в том?* (с. 119).

Пушкин использует и то и другое место ударения в этом слове: *Молчи, бессмысленный народ, Поденщик, раб нѹждѹ, забот!* (т. 3, с. 87); *Сажень за сто с чердака За нѹждѹ бегу известной* (т. 1, с. 410); — *Зачем перенимать у них пустую моду? Какая нѹжда в том?* (т. 5, с. 492); *Нет нѹжды; прав судьбы закон* (т. 5, с. 127); и др. (СЯП, т. 2).

3. В 1-м издании противопоставлены формы слова *кит* с точки зрения места ударения: в формах род. и вин. падежа ед. числа ударение на окончании, в формах дат. и предл. падежей — на основе: *И велели в тот же час От китá писать указ* (с. 100—101); *А китá не тут-то было* (с. 106—107); *Все телеги собирали; В них, не мешкая, поклали Все, что было живота, — И оставили китá* (с. 96); *На песке сидит Иван, Ждет китá из синя моря (...)* (с. 106); — *Как он в солнцевом селенье Китѹ выпросил прощенье* (с. 36); *Вот конек бежит по китѹ* (с. 86, 95); *Двое белых осетров К китѹ медленно подплыли* (с. 100); *Лишь на небе засмеркалось, То на ките не осталось Ни одной души живой* (с. 96). Все эти примеры сохранены в 4-м издании (с. 40, 90, 91, 101, 102, 106, 107, 113—114).

Но в одном случае в 1-м издании приведена форма, противоречащая указанному распределению: «*Мы посланники Царицы, Едем оба из столицы*», — *Говорит китѹ конек* (с. 86). В. А. Козаровецкий, постаравшийся восстановить пушкинский текст сказки и убрать исправления, сделанные цензором и Ершовым, привёл этот пример в следующем виде: «*Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы*», — *Говорит ему конек* (Пушкин 2009: 99). Такое прочтение снимает противоречие в употреблении форм слова *кит* в тексте сказки. Но Ершов не учёл этого распределения форм слова *кит* и в 4-м издании повторил, возможно, исправленное цензором слово: «*Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы*», — *Говорит китѹ конек* (с. 91).

Акцентная парадигма, отраженная в 1-м издании в формах слова *кит* и встречающаяся у некоторых непроизводных существительных муж. рода II склонения, характерна для части говоров Западной диалектной зоны, в том числе псковских (Русская диалектология 2012: 140—141).

4. В 1-м издании КГ есть формы существительных ср. рода мн. числа им. падежа с окончанием *-ы*: *Грива точно золотая, В мелки кóльцы завитая* (с. 11); *В мелки кольцы завитой Хвост раскинут золотой* (с. 29—30); *В мелки кольцы завитой Золотистый хвост трубой* (с. 31); *И алмазные копыты Крупным жемчугом обиты* (с. 17, 31); *В стóйлы спрятался тайком* (с. 44). Формы на *-ы* в этих примерах в 4-м издании сохранены (с. 11, 19, 32, 34, 45). В других случаях Ершов исправляет: в 1-м издании: *В мелки кольцы завитой Хвост раскинут золотой* (с. 17); *Взял корыты и пшено, И заморское вино* (с. 55) —

в 4-м издании: *В мелки кольца завитой хвост струился золотой* (с. 19); *Взял корыта и пшено, И заморское вино* (с. 59).

Окончание *-ы* у этих существительных характерно для среднерусских и южнорусских говоров, но не для севернорусских (ДАРЯ, вып. II, карта 33; Обнорский 1931: 109—129). В тобольских говорах такие формы не отмечены (Романова 1963: 76), для Ершова они были чужими, и он не мог быть автором этих примеров.

В псковских говорах форма *кóльцы, копыты, корыты, стóйлы* и т. п. обычна (ПОС, вып. 15). Много подобных примеров и у Пушкина (Обнорский 1931: 124).

5. В 1-м издании дважды употреблена форма род. падежа ед. числа местоимения 3-го лица жен. рода с предлогом *от ней*: *Да велела заезжать Эта тонкая Царица Солнцу-братцу поклониться, Да и месяцу потом Отвезти от ней поклон* (с. 79); *Переехал Окиян С порученьем от Девуцы, Нашей будущей Царицы, Чтоб тебя от ней спросить, После ей пересказать* (с. 91). Ершов изменяет оба эти примера: *Да велела заезжать Эта тонкая Царица Где-то в терем поклониться Солнцу, месяцу, притом И спросить кое об чем* (с. 86); *Переехал окиян С порученьем от Царицы — В светлый терем поклониться И сказать вот так, стой!* «Ты скажи моей родной <...>» (с. 95).

Форма род. падежа ед. числа местоимения 3-го лица жен. рода *ей, ней* с предлогом распространена главным образом в говорах Западной диалектной зоны (в том числе и в псковских) и Южного наречия, а в Северо-Восточной зоне отмечена лишь в немногих говорах (ДАРЯ, вып. II, карта 65). Встречается эта форма и в художественных произведениях поэтов и писателей XIX века. Однако, по свидетельству Национального корпуса русского языка (Национальный корпус), больше всего таких примеров у сочетаний с предлогом *у: у ней*, сочетаний с другими предлогами в несколько раз меньше. Так, Национальный корпус поэтический приводит 406 примеров сочетания *у ней* и 105 примеров сочетания *от ней* (в том числе у А. А. Бестужева-Марлинского, А. А. Дельвига, В. А. Жуковского, А. Е. Измайлова, И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. И. Полежаева, Н. М. Языкова и других поэтов первой половины XIX в.). В Национальном корпусе основном эта разница ещё резче: *у ней* — 4054 примера, *от ней* — 100 примеров.

Пушкин знал эту форму и использовал её с тем и с другим предлогами: *Как ветер песнь его свободна, Зато как ветер и бесплодна: Какая польза нам от ней* (т. 3, с. 87); *Хочет быть владычицей морскою; Чтобы жить ей в Окияне-море, Чтоб ты сама ей служила И была бы у ней на посылках* (т. 4, с. 466); *А голос У ней был тих и слаб* (т. 5, с. 373) и др.

Ершов также, возможно, употреблял сочетание *у ней*; во всяком случае, он сохранил форму местоимения в примере из 1-го издания, несколько изменив

другие слова: 1-е издание: *Всем бы, кажется, красотка, Да у ней, кажись, сухотка: И суха-то и тонка, Чай в обхват-то три вершка* (с. 93) — 4-е издание: *Всем бы, кажется, красотка, Да у ней, кажись, сухотка: Ну, как стичка, слышь, тонка. Чай в обхват-то три вершка* (с. 98). Однако форма *от ней* Ершову была, по-видимому, чужда, поэтому он и изменил примеры в КГ с этим сочетанием.

6. В небольшой части западных говоров в формах местоимения *мой* известно ударение на первом гласном окончания в соответствии с ударением на втором гласном в других говорах: *моёго, моёму — моего, моему*. В 1-м издании встречается такая форма: *Как ты смел, урод, скрывать От моего разуменья, Находясь в моем владеньи, Что имеешь ты добро — Жароптицево перо!* (с. 50—51). В языке Ершова не могло быть такой формы, и он в 4-м издании убирает её: *Ты мне должен отвечать: В силу коего указа Скрыл от нашего ты глаза Наше царское добро — Жароптицево перо?* (с. 53).

7. В 1-м издании употреблена форма повелительного наклонения *пой* глагола *поить*: *Не озерной пой водою, Но медовою сытою* (с. 12—13). Ершов в 4-м издании убирает эти строки (с. 14). В псковских говорах такая форма употребляется и у других подобных глаголов; ср.: *А дяфцонкь фся ф тябя, крой ня вькроши; Рябёнка накарми, напо́й; Ты напо́й нас, девушка* (ПОС, вып. 16, 20).

8. В 1-м издании есть два примера употребления при глаголах движения существительного в твор. падеже, обозначающего место движения, без определяемых слов. В обоих случаях Ершов изменяет эти примеры: в 1-м издании: *Он пиеницей стал ходить, И давай хвостом косить* (с. 15) — в 4-м издании: *Вот и стал тот черт скакать И зерно хвостом сбивать* (с. 16); в 1-м издании: *Он околицей идет, Ест краюшку да поет* (с. 20) — в 4-м издании: *Вдоль по улице идет, Ест краюшку да поет* (с. 21).

Такие формы существительных при глаголах движения отмечены в псковских говорах; см. (ПОС): *Вьратити пряма бьраздѣнкѣй* (вып. 4, с. 162); *Три раза пахали, ганяют грядкам, бороздам* (= грядками, бороздами) (вып. 7, с. 86); *Бльшакѣм движились взат-фпирѣт* (вып. 8, с. 145); *Так гады, серьи, чорныи, красныи, ишли бѣрам* (вып. 13, с. 167). В псковских памятниках: *И тот князь Михайло людми своими, гьдучи дорогою, сильно грабил своих* (вып. 10, с. 139); *Того же лѣта прииде на Москву с Вятки, с Великорѣчья, обрраз чудотворца Николы, и многих безчислено прощал различными болѣзньми и недугы одрѣжимых и слѣпых, идучи дорогою и на Москву* (вып. 13, с. 173).

9. В 1-м издании употреблено предложное сочетание *под столицу* для обозначения места, в непосредственную близость к которому направлено действие: *Братья сеяли пиеницу Да возили под столицу*: (с. 5). Ершов исправляет: *Братья сеяли пиеницу Да возили в град-столицу* (с. 6). Такое упо-

требление этой конструкции, как в 1-м издании, встречается главным образом в говорах Западной диалектной зоны (СРНГ, вып. 27), использовал её и Пушкин: *Подъезжая под Ижоры, Я взглянул на небеса* (т. 3, с. 107); *Пугачёв несколько раз подступал под Оренбург* (т. 8, с. 182); *Хлопуша <...> возвращается под Оренбург* (т. 8, с. 189); *Разбойник Фирска подступил под Симбирск* (т. 8, с. 262) и др.

10. В русских говорах крестьянская мужская верхняя одежда может называться *армяк* и *азьям*. В 1-м издании КГ в этом значении несколько раз встречается слово *армяк*. В драматической повести Ершова «*Фома-кузнец*» эта одежда названа словом *азьям*: «*Мы дохтура, а вы что? Так, народ Оборванный, в азямах!*» (Ершов 1976: 169). По данным ДАРЯ название *армяк* распространено в Западной диалектной зоне и в западной части Северо-Восточной зоны, а *азьям* — в восточной части Северо-Восточной зоны, главным образом в крайней восточной части Вологодской обл. и в Кировской обл. (ДАРЯ, вып. III, ч. 1, карта 32). В этом значении слово *армяк* отмечено в псковских говорах (ПОС, вып. 1), *азьям* — в ряде других областей, в том числе в Тюменском уезде Тобольской губ. (СРНГ, вып. 1). В «Словаре русских говоров Сибири» приведено слово *азьям* в значении ‘шуба из самодельно выделанных овчин, покрытая домотканым сукном’, а *армяк* — только как ‘нерасторопный, неуклюжий человек; растяпа’ (СРГС, т. 1).

Пушкин знал слово *армяк* как название мужской верхней одежды, пять раз употребил его и в других своих произведениях (СЯП, т. 1), а Ершов либо не знал его, либо знал в том значении, которое указано в СРГС. Не он и автор примеров с этим словом в 1-м издании КГ, и в 4-м издании Ершов изменяет все примеры со словом *армяк*.

1-е издание

4-е издание

1) Тут дурак, Спрятав руки за армяк, Из-за братьев выступает (с. 33); 2) Тут надел он свой армяк, Опояской подвязался (с. 50); 3) Говорит коньку дурак, Расстилая свой армяк: «Рукавички взять придется, Чай, плутовка, больно жжется» (с. 57); 4) А посыльные Дворяна Побежали по Ивану И соннаго дурака Привели без армяка (с. 65); 5) Иван, не зная как, Опустился на армяк; И под голос тихий, стройный Засыпает преспокойно (с. 72).	1) Тут Иван, Руки в боки, словно пан, Из-за братьев выступает (с. 36); 2) Тут надел он свой кафтан, Опояской подвязался (с. 52); 3) Говорит коньку Иван, Расстилая свой кафтан, — «Рукавички взять придется: Чай, плутовка больно жжется» (с. 62); 4) А посыльные дворяна Побежали по Ивану, В крепком сне его нашли И в рубашке привели (с. 71); 5) Иван, не зная как, Прикорнулся на кулак И под голос тихий, стройный Засыпает преспокойно (с. 78).

11. В 1-м издании было: *Рожа словно как у кошки, А глаза — так что те ложки* (с. 15). Ершов изменяет: *Рожа словно как у кошки, А глаза-то — что те плошки!* (с. 16). Для Ершова сравнение глаз с ложками неприемлемо, но оно обычно для псковских говоров: *Сижу́ как дуркава́та, гла́зы вы́луплены как ло́шки*; в Пушкиногорском р-не записано: *Гла́зы на ло́шки, не видят ни кро́шки* (ПОС, вып. 17).

12. В 1-м издании было: *Если ж ты ее простишь, То в последний раз глядишь* (с. 70—71). Ершов меняет: *Если ж ты ее простишь, Так беды не избежишь* (с. 77). Слово *глядеть* в значении 'видеть' отмечено в псковских говорах (ПОС, вып. 7).

13. В 1-м издании КГ было: *Но издавна речь ведется, Что все глупым удаётся* (с. 18). Ершову не нравится слово *издавна*, и он меняет его на *давно*: *Но давно уж речь ведется, Что лишь дурням клад даётся* (с. 19). В (БАС, т. 5) дано ударение *и́здавна*, но сказано также: «С иным (*устар(елым)*) удар(ением): *и́здавна*». Однако у Пушкина во всех случаях употребления этого слова в поэтических произведениях оно имеет ударение на втором слоге: *Приветствую тебя, — сказала, — Собрат, издавна чтимый мной!* (т. 4, с. 46); *Издавна умысел ужасный Взлелеял тайно злой старик* (т. 4, с. 262); *Хотя мы знаем, что Евгений Издавна чтение разлюбил, Однако ж несколько творений Он из опалы исключил* (т. 5, с. 149) и ещё 6 подобных примеров (СЯП, т. 2).

14. В 1-м издании: *Поднял красный сундучок, Будто легкий камешок* (с. 109). Ершов исправляет: *Поднял ящичек ногой, Будто камышек какой* (с. 116). Слово *камешок* известно псковским говорам (ПОС, вып. 13).

15. В 1-м издании пять раз употребляется слово *караульный*: *Братья двери караульного впустили, Стали спрашивать его, Не видал ли он чего? Караульный помолится, Вправо, влево поклонился* (с. 7, 9); *Караульный наш привстал* (с. 11); *Братья двери караульного впустили* (с. 14). Ершов в 4-м издании везде меняет слово *караульный* — 4 раза на *караульщик* (с. 7, 9, 11), 1 раз на другое слово (с. 15). Однако для Пушкина слово *караульный* было гораздо ближе, чем *караульщик*: в других его произведениях *караульный* отмечено 14 раз, а *караульщик* всего один раз (СЯП, т. 2). В псковских говорах слово *караульный* также встречается чаще, чем *караульщик* (ПОС, вып. 13).

16. В КГ встречается слово *малахай*. В 1-м издании: *А дурак наш, не снимая Ни лаптей, ни малахая, Отправляется на печь* (с. 14). В 4-м издании этот пример остался, хотя Ершов внёс в него незначительные изменения: *А Иван наш, не снимая Ни лаптей, ни малахая, Отправляется на печь* (с. 15). В БАС это слово приведено с двумя значениями: 1. Тёплая меховая или подбитая мехом шапка с широкими наушниками и плотно прилегающей к шее задней частью; 2. Обл. Широкий кафтан без пояса (т. 6); так же и в (СУш, т. 2; СРГС, т. 2).

Автор 1-го издания КГ, безусловно, понимал это слово во 2-м значении: ‘широкий кафтан без пояса’. Об этом свидетельствует описанная в КГ ситуация, которая относится к летнему времени, когда пшеница ещё не скошена. Ивану, отправлявшемуся её караулить, незачем было надевать тёплую зимнюю меховую шапку, а лёгкий кафтан, конечно, был ему нужен. Кроме того, возвратившись и войдя в избу, Иван должен был согласно деревенским правилам первым делом снять шапку, помолиться на иконы и только после этого что-либо делать. Именно так поступили его старший и средний брат: *Братья двери отворили, Караульного впустили, Стали спрашивать его, Не видал ли он чего. Караульный помолился, Вправо, влево поклонился И, прокашлявшись, сказал* (. . .) (с. 7, 9). Только после этого Иван мог отправиться на печь, даже и не снимая кафтана. В этом же значении употребляется слово *малахай* и в псковских говорах (ПОС, вып. 17).

В 1-м издании КГ несколько раз встречается слово *шапка*, и нигде в этом значении не употреблено *малахай*: 1) *И подняв перо жар-птицы, Завернул его в тряпицы, В шапку мигом положил* (с. 26); 2) *Городничий выезжает В туфлях, в шапке меховой, С сотней стражи городской* (с. 28); 3) *Тут народ зашевелился, Шапки снял и расступился* (с. 29); 4) *Шапку красную скидает, На окно ее кладет И из шапки той берет В три завитое тряпицы Из крыла перо Жар-птицы* (с. 45); 5) *Мигом шапку подхватил, Прыг в окно, и — след простыл* (с. 46); 6) *Тут Иван на небо въехал Да по небу и поехал, Избоченясь, будто Князь, Шапку набок, подбодрясь* (с. 88). Эти же примеры, иногда с некоторыми изменениями, сохранены и в 4-м издании (с. 29, 30, 34, 46, 48, 92).

Ершов же понимал слово *малахай* в том значении, которое указано на 1-м месте в (СУш, БАС, СРГС); об этом свидетельствует замена, которую он произвёл в другом примере. В 1-м издании было: *Вот дурак с печи слезает, Шапку набок надевает, Хлеб за пазуху кладет И шатаяся идет* (с. 10). В 4-м издании Ершов заменил слово *шапку* на *малахай*: *Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает, Хлеб за пазуху кладет, Караул держать идет* (с. 11). Именно это значение указал В. Г. Утков в «Словаре устаревших и областных слов», приведённом в конце публикации 4-го издания сказки: «М а л а х а й (“Малахай свой надевает. . .”) — меховая шапка с ушами (треух), распространённая в Сибири» (Утков 1951: 210).

Однако составители толковых словарей русского языка пример из КГ: *Тут Иван с печи слезает, Малахай свой надевает. Хлеб за пазуху кладет, Караул держать идет*, — приводили в качестве иллюстрации другого значения слова *малахай* — того, которое указано в этих словарях под цифрой 2: ‘широкий кафтан без пояса’ (СУш, т. 2; БАС, т. 6; СРГС, т. 2).

Таким образом, слово *малахай* встречается и в 1-м, и в 4-м издании КГ, но их авторы понимали это слово по-разному: автор 1-го издания — как каф-

тан особого покроя (как в псковских говорах), Ершов — как тёплую меховую шапку (как в Сибири).

17. В 1-м издании приведено: *Надзирателям сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни смятенья, ни погрому* (с. 28). В 4-м издании Ершов меняет: *А надсмотрщикам сидеть Подле лавок и смотреть, Чтобы не было содому, Ни давёжа, ни погрому* (с. 31). У Пушкина же встречаются в разных формах слова и *надзиратель*, и *смятение* (*смятенье*), первое три раза, а второе — 49 раз, а слова *давёж* и *надсмотрщик* не отмечены ни разу (СЯП, т. 1, 2, 4).

Словоформа *надсмотрщикам* весьма неудачна в этом тексте: [р] в окружении глухих согласных в сочетании [трш'] должен либо произноситься как слоговой звук, что нарушает ритм строки, либо не произноситься вовсе, что деформирует само слово.

18. В 1-м издании было: *Тут конек под ним забился И по берегу пустился; Только видно, как песок Вьется вихорем у ног, Будто сделалась погóдка* (с. 87). Ершов последнюю строку со словом *погодка* снимает (с. 91—92).

Слово *вихор*, *вихорь* в псковских говорах имеет значение 'сильный ветер' (ПОС, вып. 4). Слово *погóда* (и *погóдка*) в русских говорах употребляются в разных значениях: 1) 'плохая, ненастная погода' с уточнением: 'ветреная погода', 'дождливая погода', 'снегопад' и др.; 2) 'хорошая, ясная погода' (ДАРЯ, вып. III, карта 90; СРНГ, вып. 27). В говорах Западной Сибири (в частности в тюменских) слова *погóдка* и *погóда* отмечены в этих же двух противоположных значениях (СРНГ, вып. 27; СРГС, т. 3). То, что Ершов убирает из текста КГ слово *погодка*, говорит о неприемлемости для него значения этого слова в 1-м издании — 'ветреная погода'. Но именно это значение имеет в псковских говорах слово *погода* (ПОС, вып. 21, с. 250), и это же значение имел в виду Пушкин, когда писал: *В ночь погода зашумела, Взволновалась река* (т. 3, с. 74); *Брожу над морем, жду погоды, Маню ветрила кораблей. Под ризой бурь, с волнами споря, По вольному распутию моря Когда ж начну я вольный бег?* (т. 5, с. 30—31).

19. В 1-м издании было: *Тут Иван хотел идти. «Эй, посланник, подожди! — Говорит ему царица. — Заезжай ты поклониться В изумрудный терем мой (...).»* (с. 77); *Мы посланники Царицы, Едем оба из столицы* (с. 86). Ершов в 4-м издании заменяет слово *посланник(и)*: *Тут Иван хотел идти. «Эй, послушай! по пути, — Говорит ему Царевна. — Заезжай ты поклониться В изумрудный терем мой (...).»* (с. 84); *Мы послы от Царь-девицы, Едем оба из столицы* (с. 91).

Слово *посланник* много раз встречается в произведениях Пушкина: *С крылатой шапкой набекрени, Богов посланник молодой Слетает вдруг к нему стрелой* (т. 1: 165); *Нет, если ты небес избранник, Свой дар, божественный*

посланник, *Во благо нам употребляй* (т. 3, с. 88); *Тут был посланник, говоривший О государственных делах* (т. 5, с. 176) и др. (СЯП, т. 3).

20. В 1-м издании есть слово *поспешать*: *Да вели-ка поспешать, Чтобы время не терять* (с. 68). Ершов в 4-м издании заменяет эти строки: «*Вот давно бы так, чем нет*», — *Царь с кровати дал ответ* (с. 74). В (БАС, т. 10) указано, что *поспешать* — несовершенный вид к *поспешить* — устарелое и просторечное. СРНГ не приводит этого слова, но Пушкин употреблял его: *Помещик, — пришедший в крайность, поспешает продать своих крестьян* (т. 3, с. 613); *Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды, Чтоб с нами снова пить вино* (т. 3, с. 93); и др. (СЯП, т. 3).

21. В 1-м издании была фраза: *Городничий раздвиглся И два раз перекрестился* (с. 30). В 4-м издании она изменена: *Наш старик, сколь ни был пылок, Долго тер себе затылок* (с. 34). Диалектное слово *раздвигаться* в значении ‘сильно удивиться’, а также образованное по той же модели *раздиковина* в значении ‘очень странная, удивительная вещь, диковина’ отмечены в говорах Юго-Западной диалектной зоны — в Смоленской обл. (СРНГ, вып. 33). Диалектной является и форма *два раз*, встречающаяся в псковских говорах (ПОС, вып. 8, с. 139).

22. В 1-м издании употреблено слово *трожды* — ‘трижды’: *Я уж трожды поднимал* (с. 109). Ершов меняет: *Я уж трижды подымал* (с. 116). Пушкин знал и употреблял этот диалектный вариант слова: *Что тебе скажу? про старые дрожжи не говорят трожды* (т. 10, с. 230). Ершов же, очевидно, его не знал. Так, В. И. Даль, приведя это слово, указывает: *южное* и иллюстрирует примерами: *Про одни дрожжи не говорят трожды; Про одни дрожжи посылай трожды; Стары дрожжи перебираешь трожды* (Даль 1903—1909/1994, т. 4: стлб. 840). Отмечено оно и в Московской губ. (Черных 1924: 10). В псковских и в некоторых других русских говорах европейской части России встречается слово *двожды* ‘дважды’ (ПОС, вып. 8, с. 141, 148; СРНГ, вып. 7). О вариантах *двожды*, *трожды* «для Сибири указаний пока не имеется», — писал Черных в 1924 г. (Черных 1924: 10). Не отмечены они в Сибири и позднее (СРГС, т. 1, ч. 2, т. 5).

Из рассмотренных нами более ста различных диалектных черт (включая и диалектную лексику), отражённых в 1-м издании сказки «Конёк-горбунок» и представленных в части случаев единичными примерами, а в других случаях до десяти на одно и то же явление, около трети Ершов заменил в 4-м издании — иногда во всех примерах на данную черту, данное слово, иногда в их части. При этом в свои исправления и добавления он включил большое число других диалектизмов, свойственных сибирским говорам.

Среди заменённых диалектизмов 1-го издания сказки и среди оставшихся неизменными в 4-м и 5-м изданиях есть такие, которые не могли быть известны Ершову: они отсутствуют в тобольских и вообще в сибирских говорах, не встречаются в литературных произведениях начала XIX в. Это безусловное свидетельство того, что Ершов не был автором этих примеров, а следовательно, и всего 1-го издания этой сказки.

Среди людей, принимавших участие в опубликовании «Конька-горбунка», Ершов всегда первым называл Пушкина, «удостоившего тщательного пересмотра» эту сказку, а в архиве А. Ф. Смирдина, издателя сказки, «до конца его дней хранился не известный нам автограф Пушкина, связанный с “Коньком-горбунком”» — заглавие и первые четыре стиха (Азадовский 1936: 315; Толстяков 1982: 29; см. также: Лацис 2003; Козаровецкий 2009). Но главное — почти все диалектизмы, встречающиеся в 1-м издании, отмечены и в псковских говорах и/или у Пушкина. Такую сказку с таким количеством псковских диалектизмов тогда не мог написать никто, кроме Пушкина. Это также безусловное свидетельство того, что автором 1-го издания сказки «Конёк-горбунок» был Пушкин.

Скоро минет два века, как авторство лучшей сказки А. С. Пушкина приписывается другому человеку. Наступила пора восстановить справедливость и вернуть великому А. С. Пушкину то, что ему принадлежит.

Л и т е р а т у р а

- Азадовский 1936 — *Азадовский М. К.* Пушкинские строки в «Коньке-горбунке» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 2. М.; Л., 1936. С. 315—316.
- БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР; Наука, 1950—1965.
- Даль 1903—1909/1994 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 3-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903—1909/1994.
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР (в 3-м вып. — *России*): В 3 вып. / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М.: Наука, 1996—2004.
- Ершов 1834 — *Ершов П. П.* Конек-горбунок: Русская сказка. В 3 ч. СПб.: В типографии Х. Гинце, 1834.
- Ершов 1856 — *Ершов П. П.* Конек-горбунок: Русская сказка. В 3 ч. 4-е изд., испр. и доп. СПб.: В типографии Якова Трея, 1856.
- Ершов 1861 — *Ершов П. П.* Конек-горбунок: Русская сказка. В 3 ч. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: В типографии Ф. Стеллевского, 1861.
- Ершов 1976 — *Ершов П. П.* Конёк-Горбунок. Стихотворения. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1976.

- Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. — в корпусе статьи ссылок на данную работу не найдено, но есть ссылка на (Зализняк 1989) — ?? — см. стр. 2
- Захарова, Орлова 1970 — *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
- Козаровецкий 2009 — *Козаровецкий В. А.* Сказка — ложь, да в ней намёк // *А. Пушкин.* Конёк-горбунок: Русская сказка / Вступит. ст. и подгот. текста В. Козаровецкого (на корешке ~~Н. ЕРШОВ~~ А. ПУШКИН КОНЕК — ГОРБУНОК). М., 2009. С. 3—41. (См. также: <http://gorbunock.narod.ru/>)
- Лацис 2003 — *Лацис А. А.* Верните лошадь! М., 2003.
- Лупанова 1976 — *Лупанова И. П.* П. П. Ершов. // *Ершов П. П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. (Библиотека поэта, Большая серия) 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 5—52.
- Национальный корпус — Национальный корпус русского языка: <http://www.ruscorgo.ru/>
- Обнорский 1927 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
- Обнорский 1931 — *Обнорский С. П.* Именное склонение в современном русском языке. Вып. 2. Множественное число. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.
- Обнорский 1953 — *Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
- Перельмутер 1998 — *Перельмутер В. Г.* В поисках автора // *Пушкин А. С.* (?) Конёк-горбунок: русская сказка в 3-х частях. М.: SAM & SAM, РИК Русанова, 1998.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—21—: А—Н—: Л./СПб.: Изд-во Ленинградского, Санкт-Петербургского ун-та, 1967—2010—.
- Пушкин 1957—1958 — *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1957—1958.
- Пушкин 2009 — *Пушкин А.* Конёк-горбунок: Русская сказка / Вступит. ст. и подгот. текста В. Козаровецкого. М.: ООО НПЦ Праксис, 2009.
- Романова 1963 — *Романова М. А.* 1963. Морфологические особенности говоров по нижнему течению реки Тавды // Учён. Зап. Тюменского гос. пед. института. Вып. 21. Кафедра русского языка, 3. Диалектологический сборник I. 1963. С. 69—101.
- Романова 1965 — *Романова М. А.* Система вокализма русских говоров по нижнему течению рек Тавды, Тобола и Иртыша // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Тюмень: Свердловский гос. пед. институт, 1965. С. 26—52.
- Романова 1975 — *Романова М. А.* Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднеязычных согласных в русских говорах по нижнему течению Иртыша // Лингвистические исследования. Тюменский гос. ун-т. Научные труды. 12. 1975. С. 47—62.
- Романова 1981 — *Романова М. А.* Некоторые суперсегментные диалектные явления в окающих старожильческих говорах Тюменской области // Русская речевая практика и речевая норма. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1981. С. 13—21.
- Русская диалектология 2012 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012.

- Сологуб 1980 — *Сологуб А. И.* Об ударении в парадигмах существительных женского рода единственного числа в русских говорах // *Вопр. языкознания.* 1980. № 3. С. 107—117.
- СРГС — *Словарь русских говоров Сибири.* Т. 1—5 / Под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, 1999—2006.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 1—43—: А—Т— / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л./ СПб.: Наука, 1965—2010—.
- СУш — *Толковый словарь русского языка:* В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934—1940.
- СЯП — *Словарь языка Пушкина:* В 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 2000.
- Толстяков 1982 — *Толстяков А. П.* Пушкин и «Конек-горбунок» Ершова // *Временник Пушкинской комиссии.* 1979. Л.: Наука, 1982. С. 28—36.
- Утков 1951 — *Утков В. Г.* П.П. Ершов // *Ершов П. П.* Конёк-горбунок. Стихотворения. (Библиотека поэта. Малая серия) 2-е изд. Л.: Советский писатель, 1951. С. 5—56.
- Черных 1924 — *Черных П. Я.* Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке» П. П. Ершова. Иркутск: Восточно-Сибирский Отдел Русского географич. Общества, 1924.